

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Закон жанра

— Ну, и что мне с тобой делать? — спросил Виктор, глядя на нее.

Она крепко спала и не могла ответить.

— Трахать, — ответил вместо нее внутренний самец.

Всегда, когда Виктор оставался со своими мыслями, он был тут как тут. Он был прост и брутален, как голые яйца.

Виктор нервно хихикнул.

— Здрасьте. Я ж весь такой благородный.

— Ну и что. Рано или поздно к этому придет. Если вас до тех пор не укокошат, конечно.

— Ты урод, — сказал Виктор внутреннему самцу. — Смотри, как она беззащитна. Кроме меня, у нее никого нет.

— Именно. Я ж о том же. Выжди сколько-то там для верности — и вперед.

— Никогда! — Виктор разозлился. — Блин, если она узнает, о чем я тут думаю, глядя на нее...

— А она и так знает. Просто об этом не принято говорить. От закона жанра не убежишь, Виктор Дорн. В финале — или трах, или гроб. Не обманывай сам себя.

Был только один способ справиться с внутренним самцом: сделать вид, что его нет.

Виктор так и поступил: приглушил его, как надоевшее радио, оставив бормотать где-то на задворках.

Это было нелегко, потому что Виктор остался сидеть и смотреть на девушку. Уж в этом-то он не мог себе отказать. Это было бы уже чересчур.

Самое паскудное, что этот забинтованный звереныш, свернувшийся калачиком на его диване, был красив. Не сексапилен, не соблазнитель — просто очень-очень красив. И это «просто» настораживало Виктора. Если бы у него встал, было бы легче: подрочил и забыл. Но девушка, которую он вытащил из Мица, из самого пекла, будила в нем эмоции, которые ему не нравилось. Яйца были спокойны, а вот душа норовила подтаять, как забытые в авоське пельмени. Из головы не лезло, как она жалась к нему забинтованными руками — ей было больно, а она жалась, — и Виктор мысленно ругался.

Потом не выдержал и окунул пальцы в мягкие локоны, как в золотой пух...

Ростом она была почти с него. Совсем мальчишеская фигура — какие-никакие бедра есть, а груди вообще нет, два пухлых комочка, которых и под свитером-то не видно. Ноги длинные, как у цапли. Жердь жердюю. И у этой жерди — самая красивая мордочка, какая только бывает у людей. Овальная и глазастая, как у белоснежек на картинках, когда художники хотят вышибить слезу. И рыжеватая грива ниже попы. Рапунцель, блин...

Виктор выдернул руку из золотого пуха. На войне такие привязанности ни к чему.

И вообще — пора поспать. Неизвестно, как все сложится.

Поборов искушение примоститься с ней на диване, уткнув нос в золотой пух, он лег на кровать и мгновенно, как по команде, уснул.

— Ты что, совсем ничего не помнишь?

Она морщилась, пытаясь тереть кулаками глаза. Руки были забинтованы, и ничего не получалось.

— Подвал помнишь? Бомбежку, оцепление?

— Подвал? По... помню.

— Ну вот. Вспомнила?

— Вроде да... Что у меня с руками?

— Здрасьте! Вспомнила, называется.

Хлебнув виски, он рассказывал ей все заново — как нес ее к вертолету, как на них снова напали, как он чудом вылетел с ней из этого ада, как добрался до города, как дотащил ее, полуживую, к больнице, как там ее не хотели, и как волшебным образом (в который раз) его удостоверение Независимого Наблюдателя. Повстанцы очень старались показывать, какие они правильные и законные, и Наблюдатель был здесь белой костью. Правда, в Мице он явно оказался поперек горла...

— Сказали «ничего смертельного», — говорил Виктор, потягивая из бутылки. — Обсмалила немного, вот и все. Знаешь, как куриные крылышки, с корочкой? Отпустили домой, сказали — бинтовать, мазать... Через месяц будут, как новенькие. Кстати, вот сейчас и пора заняться.

— А... а как... — девушка показала на Викторовы шмотки, в которые тот перепакował ее.

— А что? По длине мы с тобой одного роста, а с шириной можно совладать, если есть ремень да сноровка...

— Да нет, я не про то. Вы что... меня...

— А ты как думала? Что не порвалось, то сторело... Ты лучше скажи, как тебя зовут. Три дня вместе, а визитками не обменялись.

— Лия.

— Лия? Круто. А я думал уже тебя Рапунцелем звать... Я, кстати, Виктор. Пойдем-ка, Лия, в ванную.

— А... а...

— А что делать? Ничего, постесняешься, от этого не умирают. Можно подумать, никогда ни перед кем не раздевалась.

— Никогда!

— Да ну! Что, и любовью не занималась?

Лия выразительно посмотрела на него.

— Ладно-ладно. Шутка. Неудачная. Пойдем, Рапунцель, то есть Лия...

Она стеснялась, как ребенок в гостях. Виктор еще никогда не видел, чтобы так отчаянно краснели уши, а с ними — и щеки, и ключицы, и даже нос.

«Признайся: в этом нет необходимости» — бубнил он себе, обнажая маленькие грудки с пухлыми клюквинками, которые смертельно хотелось лизнуть. «Как это нет? Душ не принимала уже неделю, небось... и руки ей нельзя мочить... и вавки надо мазать...» — возражал он себе же, стягивая с Лии свои трусы. Под ними были худенькие костистые бедра и маленькая, как у девочки, щель. Ее хотелось называть пипкой или писечкой...

— Тебе сколько лет? — спросил он, помогая Лие залезть в ванну.

— А что?

От стыда ее голос стал ниже на октаву.

— Ничего. Просто интересно.

— Девятнадцать. Вы... спрашиваете потому, что у меня маленькая грудь?

— Ну почему же? — возразил он, хоть спросил, в общем, именно поэтому.

— На то есть свои причины. Вы... вы не поймете.

— Лия, у тебя очень красивая грудь. Вот послушай. Посмотри мне в глаза, — он взял ее за

бедр и развернул к себе. Зеленовато-золотистые глаза кольнули ему нутро. — Ты одно из самых... хотя чего там — самое красивое существо, которое я видел в жизни. Поняла? Видишь, не вру. И грудь не исключение. С каких это пор количество мяса стало критерием красоты?

Лия улыбнулась. Виктор тоже улыбнулся.

— Экая ты. «Вы не поймете»... Вся из себя таинственная. Слушай, а... чего они от тебя хотели?

— Кто?

— Ну... Эти. Мне показалось, или они бегали именно за тобой? И что им мешало? Не хочешь

— не говори...

— Не хочу. Давайте не будем о войне.

— Ну ладно. Давай мы тебя будем мыть. Руки вверх!..

Он стал осторожно поливать Лию из душа. Та задрала забинтованные руки и попискивала, закусив губу. Вода стекала по исцарапанному телу, и ей было больно.

— Терпи... Терпи, девочка... — бормотал Виктор, осторожно обмазывая Лию мыльной губкой. Мокрые волосы облепили ее до пояса, как русалку. — Наклони-ка голову... Ну у тебя и волосищи!... Аааа, кайф какой! — он месил шампунь в потемневшей гриве Лии, не скрывая удовольствия. — Тааак... Я помою тут, ладно? Раздвинь ножки.

Лия присела, и Виктор осторожно, как мог, мыл ей пещерку, натянув розовые створки. Под ними прятался клитор, крохотный, как бусинка, и маленький, плотно сжатый вход в девичье тело. «Для того ты и затащил ее в ванную» — бубнил внутренний самец. Виктор знал, что тот прав, и чувствовал, как у него у самого горят уши. «Надо всего перепробовать в жизни, да? Никогда еще не мыл девичьей щели?...»

Лия сопела, наблюдая за его манипуляциями.

— Приятно? — неожиданно для себя спросил Виктор.

— Да... Только... может, лучше не надо?

— Ну как же не надо. Намылил, теперь надо смыть. А так?

Он направил душ прямо в распахнутую щель. Лия охнула.

— Ничего... терпи... Надо там все как следует промыть... — бормотал Виктор, поливая тугими струями пещерку, покрасневшую, как коралл.

— Аааа! Аааээ! Ааээы!... — вдруг взвыла Лия, изогнувшись пополам.

Виктор едва успел ее подхватить. Струя душа ударила ей в лицо, потом ему, потом в потолок и в полотенце. Одной рукой Виктор подпирал Лию, другой пытался укротить душ, потом, плюнув, швырнул его в ванну и впился рукой в покрасневшую щель, вибрируя на ней, как на виолончели.

Лия скулила, закатив глаза, затем выпустила воздух и обмякла.

— Даааа. Все помылись, и ты, и я, — сказал Виктор после паузы. — Ну, ничего, зато взбудрил... Ээээ, мы что, бинты намочили?! Снимаем сейчас же! Наскоро вытертая Лия была втащена в комнату и усажена на диван. Виктор, обложившись бинтами и мазями, навис над ней:

— Тааак... Потерпи, девочка, потер... Уууу! Оооо!

Вместо вчерашней жуткой красноты под бинтами была розоватая, но на вид вполне здоровая кожа без всяких волдырей.

— Смотри, Лия!... Ай да доктора у вас, ай да мазилку дали... Мажем опять! Ай да девочка! — Виктор от избытка чувств чмокнул Лию в нос. — А я уже, честно говоря, перетрухал, что... в общем, неважно. Лай-лай-лаааай! — громко запел довольный Виктор.

Лия терпела, закусив губу.

Перебинтовав ее, он встал и, оглядев худенькое тело, начал одеваться:

— Схожу куплю нам пожрать. Заодно и разузнаю, как и что. Пока, Рапунцель! Не вздумай ничего делать руками! Делай вид, что у тебя их нет!

— До свиданья! — отозвалась голая Лия. Она так обалдела от неожиданного оргазма, что даже не спросила про одежду.

По дороге Виктор вспомнил, что забыл деньги в пальто. Пришлось вернуться.

Открыв дверь, он услышал сдавленный стон. Хотел было рвануть в комнату, но случайно глянул в зеркало — и увидел голую Лию, выгнутую вьюном. Раскачиваясь и запрокинув голову, она терзала себя между ног.

Застывший Виктор наблюдал за ней. Когда она кончила, повалившись на диван, он опомнился и выбежал вон, стараясь не шуметь.

«Бандитка... больной рукой дрочила...» — думал он.

— Так, Рапунцель, у меня для тебя две новости, — крикнул он с порога, когда вернулся. — Хорошая и плохая.

Лия, по-прежнему голая, сидела на диване. Увидев ее, Виктор замолк.

Во-первых, волосы, подсохшие после мытья, распушились и окутали тело таким каскадом, что к горлу сам собой подкатил ком.

Во-вторых, что-то не так было с самим телом.

«Куда делись ее ссадины? Вся была в крови, пузырек перекиси извели, а сейчас? И... у нее, что, стали больше сиськи?»

Лия оглянулась.

— Что? — спросила она.

— Что-что, — опомнился Виктор. — Чего голая сидишь?

— Так вы же сказали руками ничего не делать. Вот я и не одевалась.

— Да, действительно...

Присмотревшись еще раз к ее грудям (они определенно стали больше... ну что за черт?), он сказал:

— Две новости. Хорошая и плохая. Хорошая — накупил вкусной жратвы.

— А плохая?

— А плохая — вот.

Он сунул ей в руки лист бумаги.

— Сорвал с соседнего дома.

Там красовался погрудный портрет Лии. Ниже было написано:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ

Лия Моран, 19 лет

на вид 16—17

Высокого роста, худощавая, глаза зеленые,
длинные светлые волосы ниже пояса.

Вознаграждение — 150 000 банкнот.

Лия поднесла его себе под нос. Виктор наблюдал за ней, потом сказал:

— Дело дрянь. На моих глазах схватили девчонку — приняли за тебя. И близко не похожа, но, видно, хватают всех.

— И... что делать?

— Хороший вопрос. Собственно, у тебя два выхода. Первый — дать себя поймать. Минимум мороки для всех нас, и, если тебе это подходит...

— Я хочу уехать.

— Ну, тогда... Второй вариант: не дать себя поймать. Во всяком случае, постараться.

— Как?

— Изменить внешность. С твоими волосами тебя заметут за десять минут.

— Вы... хотите меня подстричь?

— Смотри, Лия. Дано: у тебя длинные светлые волосы. Нам нужна противоположность. Поняла? Единственный способ сделать тебя неузнаваемой — обкарнать под мальчика, а остаток перекрасить в брюнетку.

Воцарилась тишина.

— Я все понимаю, — сказал Виктор. — Мне самому хреново от того, что я предлагаю тебе такое. Выбор за тобой.

— Нет, — сказала Лия. — Не понимаете. Вы... неважно. Я согласна.

Виктор хотел что-то сказать, но вместо этого просто подошел и взял ее за голые плечи.

— У тебя отрастут. Потом, — сказал он, помолчав.

Молчала и Лия.

— Ну... ну что? Я за краской и прочими причиндалами. Никуда не выходи, — сказал Виктор и метнулся к двери.

Вернувшись — бодро возгласил:

— Ну, теперь мы во всеоружии. Эпоксидка для перекраски девочек, газонокосилка для стрижки клумб на голове и крутейший билет на крутейший самолет. Оформил тебя как беженца. Надеюсь, выкрутимся без паспорта... Денюжек почти не осталось, но на то они и денюжки, чтобы их тратить на полезные в хозяйстве вещи. Ты... ты... — он запнулся, потому что увидел на ее щеках слезы, — ты... так и будешь голышом бриться?

— Не знаю. Все равно, — тихо сказала Лия.

— Ты... ты...

Он хотел сказать что-то бодрое, но вместо того всхлипнул сам.

Заплаканное личико голой Лии, окутанной каскадом ее неопикуемых волос, так больно драло по нервам, что Виктор вдруг охрип. Молча, не глядя на нее, он достал машинку...

Сквозь локоны проглядывали острые клюквинки сосков. Виктора вдруг шибануло, и он ткнулся в пушистое золото, врылся в него мордой, как крот, задевая клюквинки носом и губами.

Мягкая, нежно-податливая грудь пружинила под его напором, как корочка на сметане. Руки его обхватили спину Лии, сползли на ягодицы и стали мять их, губы сами собой всосались в клюквинку, пульсирующую под языком...

Лия заскулила.

— Прости. Не надо было этого делать. — Виктор прокашлялся и включил бритву. Та зажужжала, как шершень. — Ну что? С Богом?..

Он брил ее и плакал вместе с ней. Потом мазал золотистый ежик отвратительной черной бурдой, похожей на ваксу. Лия превратилась вначале в жалостливого мальчишку с оттопыренными ушами, потом в нелепый манекен с нарисованным пробором, и потом, когда Виктор смыл краску — в такого же мальчишку, но только с черным ежиком.

Ее новый образ был неопикуемым сочетанием красоты и уродства. Нагота добавляла в этот

коктейль убойную дозу чего-то, от чего хотелось выть по-волчьи, грызть зубами дверь и лизать ушастого мальчика с ног до головы, и потом повалить его, жалкого, как мокрая кошка, и...

Сбежав в санузел, Виктор разрядил в унитаз тройную обойму похоти. Трижды вдохнул, высморкался, подставил голову под холодную воду...

Обратно он вышел деловитым бодряком — таким, каким бывал всегда или почти всегда. Лия стояла перед зеркалом и всхлипывала.

— Кончай хныкать, детка, — сказал Виктор. — Игра начинается. Займемся сейчас твоими руками — и в путь... Плохо, что бинты. Особая примета.

— Не надо бинтов, — сказала Лия — Руки здоровы.

— Как здоровы? Как не надо? Ты...

— Смотрите, — сказала Лия, сдирая бинт.

Виктор хотел поймать ее руку, но не успел. Под бинтом была абсолютно здоровая кожа, такая же, как и везде.

— Охренеть... Нет, все равно надо лечить, Лия, так не делается...

— Не надо. Сами сказали — особые приметы.

Оторопевший Виктор помог ей одеться, косясь на сиськи.

Он готов был поклясться, что те стали еще больше.

— Скажи-ка мне, — говорил он ей по дороге в аэропорт. — Вернее, можешь не говорить, если не хочешь... Я даже знаю, что не захочешь. А ты знаешь, что я у тебя сейчас спрошу, да?

— Наверно, — ответила Лия. — Наверно, знаю.

— Ну, я все равно спрошу... С тобой что-то не так, Лия. Что-то совсем неспроста. Ты знаешь, что я имею в виду, и я не буду подбирать слова. Мы вместе уже четвертый день, но я о тебе ничего не знаю. Знаю, что твои родители погибли, что у тебя нет дома... Почему эти повстанцы дают за твою шкуру 150 штук? Почему нас не могли сцапать? Не хочешь — не говори. Но раз ты со мной — лучше, чтобы я знал...

— Поздно, — сказала Лия. — Что было, то прошло. Все в прошлом.

— Что в прошлом? Что за дамская манера говорить загадками?! Мы не в женском романе, Лия! Роман более чем мужской, и называется он «война». А самое паскудное, что это не роман, а жизнь...

В аэропорту он завел ее в оптику, чудом выжившую в захламленном вестибюле.

— Ты, как я понял, плохо видишь. Ничто так не меняет человека, как очки.

В больших оглоблях, с черным ежиком, в футболке и джинсах Виктора, висящих мешком, Лия стала вылитым мальчишкой-ботаном.

Виктор боялся контроля, но его удостоверение Наблюдателя сработало и здесь. Лии дали заполнить карточку беженца, и она, подмигнув Виктору, записала себя Аланом Гором.

— Все детство мечтала быть мальчиком, — сказала она. — Лет до одиннадцати.

— Что случилось в одиннадцать? Влюбилась?

— Война, — сказала Лия, и Виктор прикусил язык. — Папа сразу ушел воевать, и...

— А я всю жизнь мечтал о сынишке, — сказал Виктор. — Вот о таком, как ты. Умненьком, и с ежиком.

— Можно, я буду вашим сынишкой? — спросила Лия. Виктору снова подкатил под горло тот же ком.

— Можно. А можно тебя чмокнуть, Алан Гор? Крепко, по-мужски?

— Лучше не надо, — сказала Лия.

— Ты прав, — вздохнул Виктор. — Лучше не надо. Лучше...

Его прервал глухой удар.

Ухнуло, казалось, где-то совсем рядом — дзенькнули стекла, и даже немного трягнуло пол.

— Твою мааать, — протянул Виктор. — Еще отменят.

Прилипнув носами к стеклянной стене, пассажиры напряженно вглядывались в столбы дыма, торчавшие из-за горизонта. Били далеко — даже не было видно вспышек, только дым, — но стекла дребезжали, и пол вздрагивал, как от землетрясения. Дикторша приятным голосом объявила, что из-за внезапного нападения карателей чуркомасонской клики все рейсы задерживаются. Зал ожидания загудел, потом зашуршал кулками и обертками.

— Давай и мы пожрем, Алан Гор. Что скажешь? — спросил Виктор.

Они поели. Потом Виктор вытянулся в кресле, нахлобучив кепку на нос, и посоветовал сделать то же самое Гору, — но тут вдруг объявили посадку на их самолет.

Вся жующая орава вскочила и повалила к турникетам.

— Быстрее, быстрее, — торопил охранник. — Взлетаем, пока затишье.

Виктор заработал локтями, и через две минуты они с Лией сидели в самом носу, пристегивая ремни. Сзади слышались крики и ругань, потом хлопнул люк, и все стихло.

— Мы сделали это, — шепнул Виктор Лии, когда самолет оторвался от взлетной полосы. — Доблестные повстанцы сэкономят на тебе 150 штук. Представляешь, какой вклад в Восстание?... Нет, я все-таки тебя поцелую, — он звучно чмокнул Лию в щечку. — Теперь ты меня.

— Не хочу, — сказала Лия, сняв очки. — Я сдержанный парень. Не люблю телячьих нежностей.

Она тоже сияла, как солнечный зайчик.

— Ну из благодарности, — взмолился Виктор. — Ну хоть в носик!... Эээх. Бесчувственные вы, пацаны. Только так понимаете, — он дал ей щелбана, и Лия, взвизгнув, принялась колотить его.

Кажется, впервые Виктор увидел, как хохочет этот ушастый чертенок с лицом ангела, и как блестят от смеха зеленые глаза...

Их блеск впечатался в его память вместе с ударом, расколовшим уши и мозг.

Все, что было дальше, виделось Виктору картинками, настолько невозможными, что страх не поспевал за ними. Обернувшись, он видел пламя, хлынувшее на него, и рядом — Лию, странно выпучившую глаза. В кожу впился жар, в голове мелькнуло — «горим заживо» — как вдруг пламя застыло в десяти метрах от них, будто натолкнулось на невидимую стену, и Виктор каким-то десятым чувством понял, что эта стена растет из стеклянного взгляда Лии. Застыв, пламя расточилось, и сквозь него проступил серый, как свинец, свет.

«Дыра в пространстве», — с ужасом думал Виктор (вот тут-то ему и стало страшно). — «Ход в параллельный мир...» И тут же понял, что хвост отвалился, и это дыра не в пространстве, а в самолете.

И еще он вдруг понял, что они падают, что уши сверлит страшный рев и свист, и что через минуту они с Лией умрут.

— Лия! Я люблю тебя! — крикнул он, не слыша своего голоса. Лия рвала с себя и с него ремни безопасности, потом схватила его за руку и потащила прямо к дыре, хватаясь другой рукой за все подряд. «Я лечу», — думал Виктор, дрыгая ногами в воздухе. У Лии на голове шевелились

волосы, довольно-таки длинные, сантиметров десять, и это так поразило его, что он думал об этом все время, пока Лия волокла его к дыре.

«Что ты делаешь?» — орал он перед дырой, не слыша себя, и вырывал руку из руки Лии, державшей его крепко, как капкан.

Тогда она обхватила его за пояс так, что тот взвыл от боли, оттолкнулась — и прыгнула с ним в свинцовый ад, кипевший за краем самолета.

Сразу все отвалилось в никуда, и Виктора прожег ледяной огонь, отобравший дыхание. Это было так неопишимо больно, что он на какое-то время расточился и исчез, схоронившись в глубине оглушенного тела.

Потом он вдруг понял, что может дышать. Глаза, обожженные светом, увидели внизу квадраты полей, игрушечные домики, и вдалеке — вспышку желтого огня. «Самолет упал, — подумал Виктор, — и мы сейчас упадем. Упадем и умрем».

Лия держала его мертвой хваткой под ребра. Выпученные ее глаза остекленели, как у мертвеца. На голове у нее бились и рвались на ветру волосы, длинные, как вымпел, и в них сверкали зеленые искры. Раздавленный ум Виктора пытался совладать с ними и с несущейся на него, как в кошмаре, землей, — как вдруг Лия сжала его больней.

«Тормозим», — понял он, не имея сил ни радоваться, ни удивляться. Земля неслась на них, явно замедляя скорость. Свист в ушах ослабел, и Виктор вдруг услышал собственный крик. Тело его натянулось, будто его вытягивал великан Прокруст: Лия тащила вверх, а великан вниз, и Виктор орал, чувствуя, что его сейчас порвут пополам. Но великан тянул все слабее, и в какой-то момент осталась только боль в ребрах, сдавленных Лией, и в коже, обожженной падением.

Деревья были уже почти под ногами. Лия выпучилась так, что, казалось, вот-вот лопнет, и Виктор, с ужасом смотревший на несущийся к нему зеленый ковер, увидел, как они тормозят — все сильней, сильней, сильней и больней в ребрах и в плечах...

Они продрались сквозь жидкую листву и приземлились плавно, будто их держал подъемный кран.

Виктор не ощутил ногами земли и сразу же рухнул в траву. Лия рухнула с ним.

«Живы» — успел подумать Виктор прежде, чем отключился.

Открыв глаза, он какое-то время размышлял, жив ли он, или все-таки умер.

Но ветер вдул ему на нос щекотный локон, и Виктор вскочил:

— Лия!

Она лежала рядом, закрыв глаза.

В ней было что-то странное. Вглядываясь в бледную, как воск, фигуру, Виктор не сразу понял, что Лия помолодела. Ее лицо стало лицом девочки-подростка.

— Лия! Ты жива? Оооу...

Все тело болело, кожа горела, как от кислоты, и горло тоже горело.

— Мне нужно поесть, — тихо сказала Лия, не открывая глаз. — Как можно скорей что-то съесть. Иначе будет плохо.

Секунду Виктор смотрел на нее. Потом с кряхтеньем поднялся и стал тормозить Лию:

— Пойдем. Пойдем...

Потом, закусив губу, попытался поднять ее. Дождь перешел в ливень. Виктор внес Лию в дом (двери не было) и опустил на пол, усеянный обломками.

— Поесть... — шептала Лия, едва раскрывая губы. — Поесть...

Виктор ринулся по дому, но все было вывернуто вверх дном, и нигде не было никакой еды. Холодея, он подбежал снова к ней.

— Лия! Потерпи... Пожалуйста, потерпи... Не умирай... Не умирай, ладно? — выл он, глядя на побелевшие щеки, и обцеловывал их, как суетливый щенок, будто это могло вернуть ей жизнь.

Он тискал и тряс ее, и скулил, и бормотал какую-то хрень; потом стал срывать мокрую одежду и целовать холодное, как дождь, тело, которое стало совсем детским. Грудь исчезла, и на плоских ребрах торчали две припухлые абрикоски, как у двенадцатилетних. Виктор яростно впивался в них, будто хотел вытянуть, высосать Лиины груди обратно из тела.

Вдруг он подскочил: ему показалось, что в них зажглась искра тепла.

Лия дышала глубже. Глаза ее были по-прежнему закрыты, но абрикоски слегка приподнялись над ребрами.

Вскрикнув, Виктор снова припал к ним. Потом сполз к ногам и оголил Лию снизу. Ее щелка стала совсем детской, с белым пушком вместо волос... Он целовал ей бедра, животик, розовые створки писи, потом раздвинул ножки, легкие, как у куклы, и лизнул в серединку. Лия застонала...

Виктор влизался вовнутрь. Оттуда шло тепло, пряное тепло возбуждения, и Виктор, поскуливая, вытягивал его языком и губами из оживающего тела. Пися была уже совсем разогретой, почти горячей, и текла женским соком, жгуцим Виктору язык.

Приподнявшись, он глянул на Лию — и лихорадочно нырнул обратно, к розовому источнику жизни, распахнутому перед ним. Лия уже шевелилась, гнулась, корячила ножки, подставляя Виктору распахнутую щель. Это уже была не пися, а взрослое лоно, проросшее жестким рыжеватым волосом. Лиины груди снова стали такими, какими были с утра, когда он мыл ее. Охнув, Виктор метнулся к милым конусам, набухающим все туже и туже, будто их кто-то надувал изнутри. Он терзал отвердевшие, уже совсем горячие соски языком, губами, и даже немножко зубами — жестоко, как никогда не решился бы в иной раз; пальцы его остервенело хлюпали в липкой щели, просверливая вход вовнутрь.

Лия виляла бедрами, насаживаясь на них. Ее глаза открылись и умоляюще смотрели на Виктора — «еще, еще! пожалуйста!... « Эту же мольбу он слышал и в столах, царапающих нервы.

Дикая, пьяная радость, вскипающая вместе с похотью, наполнила его звериной силой, и больше уже нельзя было терпеть. Сбросив мокрые тряпки, он ухватил Лию за бедра, глянул ей в глаза — и втокнулся в нее, рыча от телесного голода.

Лия закричала. Ей было больно, но Виктор знал каким-то двенадцатым знанием, что так надо, что чем яростней и больней — тем лучше, и вспарывал ее проход, облепивший его, как горячий джем. Она извивалась под ним, а он влетал в нее, вдавливая окровавленный кол до упора — все быстрее, быстрее, будто его подгоняли плетью, — и хохотал от наслаждения, и Лия кричала вместе с ним, красная, как помидор. Каждым ударом он вгонял в нее новый разряд жизни и знал это — не умом, а колом и яйцами, шлепающими по разрыхленной плоти. Ее лицо было уже не детским, а отчаянным женским, погибающим от похоти, и груди выросли настолько, что колыхались вверх-вниз от Викторовых толчков, как пудинги.

Хохочущий Виктор ухватился за них и стал натягивать на себя, зажав соски между пальцев... Они кончили вместе. Болючий Виктор дрын все никак не мог выплеваться, пока не

кончились силы, и тело, надетое на него, не обмякло и не вытянулось всеми клетками, выдыхая жар до последней капли...

Оба они были грязные, вываленные мокрыми телами в пыли и в известке. Виктору казалось, что он прирос к Линой утробе, и если он выйдет, Лия снова начнет умирать.

Говорить не получалось и не хотелось. Лия обтягивала кол, проросший в утробу, и Виктор чувал сквозь влажные стенки всю ее, от ногтей до кончиков волос, чувал искрящую в ней силу, и ему было так хорошо, что он смеялся беззвучно, одними мыслями, или даже одними только нервами.

Потом искрящая сила растопила его в себе, и он уснул.

Когда он открыл глаза, было уже почти темно.

— Лия... — позвал он, вдруг испугавшись.

Под ним сопело теплое и сонное тело.

Счастливый, что она невредима, он начал легонько сношать Лию, рыхлую, как теплый студень. Потом прильнул к ее рту и наконец-то слепился с язычком, терпким и мятым со сна.

Скользкая влага окутала его рот, проникла в нервы, в яйца — и выплеснулась в самую глубокую из глубин Линой плоти. Лия пыхтела, прислушиваясь к жидкости, оросившей ее утробу, и он чувал, что это для нее удивительней, чем для него — все неопишуемые вещи, происшедшие за день.

— Ты, наверно, пользуешься хорошим шампунем. Волосы растут, как на дрожжах, — сказал Виктор, удивляясь, что горло не болит, и говорить легко, как в детстве.

На секунду-две Лия замерла под ним, а потом долго и звонко смеялась, стягивая собой выхолощенную Викторову елду.

— Я не знала, что они выростут. Меня еще никогда не стригли, — сказала она.

Виктор был готов поклясться, что ее голос стал гуще и взрослее.

— ... Я знала, что в них моя сила. Когда я согласилась постричься — думала, что расстанусь с ней навсегда. Я думала, она мне больше не нужна. Я устала от нее. Так я думала...

— По-моему, — сказал Виктор. — по-моему, сейчас самое время рассказать все, как есть. Наша с тобой, эээ, конфигурация, по-моему, располагает к некоторой откровенности. Тебе не кажется?

— Наверно, — отозвалась Лия.

— Ты кто? Ты... экстрасенс?

— Не знаю. Я не знаю, как я называюсь. Сколько себя помню, я умела... ну, никто не умел этого. Я сама не знала того, что я умею. Не знала и боялась.

— Так. А повстанцы пронюхали про твои таланты и охотятся за тобой, чтобы использовать тебя в борьбе за правое дело?

— Меня нельзя использовать против моей воли.

— Они боятся, что ты перейдешь на сторону масонокарателей, или как их там?

— Может быть...

Вдруг Виктор поднял голову.

Из-за стены слышались голоса.

Странно, что их не было слышно раньше. Может, из-за ливня, который до сих пор гудел на улице. А может, они заговорили только сейчас.

— Это мой... — прошептала Лия, но не успела договорить. К ним вошли люди. Сколько их, не

было видно — в глаза вдруг ударил слепящий свет. Лия вскрикнула.

Те, кто к ним вошел, тоже крикнули, хватаясь за автоматы. Потом кто-то загоготал:

— Та это любовники. Слышь, Тесак, не сцы. Ща мы к ним присоеди...

— Какая встреча, — сказал тот, кого называли Тесаком. — А я-то тебя ищу.

— Привет, папа, — сказала Лия. — Отвернись, ладно?

— А че? Ему можно, а мне нельзя? Кто это?

— Виктор Дорн, независимый наблюдатель Мирового Сообщества, член Всемирной Комиссии по борьбе с военной преступностью, — сказал Виктор. — Документы остались в самолете. Если не ошибаюсь, я имею дело с Тесаком, знаменитым комбатом повстанцев?

— Что ты член, я вижу. Если не ошибаюсь, на члене у тебя девственность моей дочери? Или у нее месячные?

— Я бы не хотел продолжать разговор в та... — начал Виктор, но не успел. Тесак вскинул автомат.

Виктора передернуло сверху донизу... но, прежде чем падать, он успел понять, что в него ничего не попало.

Устояв на омертвевших ногах, он глядел, раскрыв рот, как несколько пуль застряли в свете прожектора, как в сетке, и медленно опускались на пол.

— Твои штучки? — спросил Тесак, глядя на Лию.

— Мои. Уходи, не то хуже будет.

— Угрожаешь?

— Да.

В следующую секунду повстанцы с воем побросали автоматы, вдруг раскалившиеся докрасна. Мокрая камуфляжка Тесака зашипела и задымилась, как сковорода, сбрызнутая водой.

Лия неподвижно стояла в пляшущем свете прожектора — голая, грязная, с окровавленными ногами. Виктор с изумлением видел, что ее фигура стала совсем взрослой и матерой, с большими бедрами и грудями. В остекленевших глазах прыгал отблеск прожектора, и это было по-настоящему страшно.

— Ах ты дерьмо малое, — скинув раскаленную каску, Тесак полез было к Лие, но застыл, будто наткнулся а невидимую стену, и мигом спустя летел кубарем в дверь.

Туда же полетели и его подельники, беспорядочно паля в воздух; туда же канул и прожектор, погасший от чьей-то пули.

Воцарилась тьма. На улице стонали повстанцы, ранившие друг друга.

— Виктор? Ты здесь? — раздался голос Лии.

— Да.

— Я иду к тебе. Я вижу в темноте... Это я, — сказал голос совсем рядом, и руку Виктора взяла горячая рука.

— Надо найти другой выход, — соровоговоркой заговорил Виктор. — Ты видишь нашу одежду?... Бери скорей автоматы!..

— Они нам не нужны. Не бойся, — к Виктору прижалось горячее тело, и тот ощутил покалывание, будто трогал телеэкран. В темноте искрились зеленые искры. — Мы выйдем через эту дверь, и они нам ничего не сделают. Главное — держаться вместе. Идем!

— Одежда...

— Без нее лучше. Надежнее.

Она повела Виктора к двери, и тот пошел, с удивлением чувствуя, что ничего не боится. Из

руки Лии в него лилось покаяние, наполнявшее его странным теплом.

Снаружи не было видно ни зги. Повстанцы пытались сбить их с ног, но натыкались на невидимую стену и падали, изрыгая трехэтажные, и потом бежали, охваченные ужасом, и кричали «ведьма!... « Тесак бежал за ними, угрожая отпиздить и заебать.

Через какое-то время вопли стихли. Шумел ливень, но на Виктора с Лией чудесным образом не падало ни капли. Они шагали в кромешной тьме, будто бы вне времени и пространства. Лия вела Виктора уверенно, и тот так же уверенно шел за ней, окуная босые ноги в раскисшую землю.

— У нас с тобой на ногах, наверно, грязевые валенки, — сказал он.

— Ага, — отозвалась Лия.

— Куда мы идем?

— Не знаю. Я прислушиваюсь к себе, и меня ведет что-то. Куда и зачем — не знаю.

— Странно: на меня начал капать дождь...

— Я сняла блокаду. Мы уже в безопасности.

— Хорошо, что сейчас теплые ночи, не холодно...

— На самом деле холодно. Градусов десять, если не меньше. Просто в тебя вошла часть моей силы.

— Это как?

— Ты сделал меня... надо же, стесняюсь об этом говорить... и теперь у нас одна сила на двоих. У меня, конечно, больше, но, может быть, и у тебя прибавится.

— Сколько тебе лет по-настоящему?

— Я уже говорила. Девятнадцать.

— И... когда в тебе много силы, ты становишься старше, а когда мало — наоборот?

— Да. В десять лет я уже была девушкой. Потом я несколько раз становилась совсем маленькой. Дома у меня была целая коллекция лифчиков разных размеров... Но такой, как сейчас, я еще не была никогда.

— Забавно. Я должен бояться тебя, как... как... но не боюсь. Почему?

— Потому что любишь меня. И я тебя.

— Что ты можешь?

— Не знаю. Всякий раз оказывается, что я могу больше, чем думала. Раньше я думала, что силу можно пополнить только едой, или если постоять на открытом солнце. Когда мы прыгнули с самолета, я использовала всю свою силу. Я использовала гораздо больше, чем думала. Ведь у меня не было волос. Я не знала, что могу их вырастить сама, но на это ушло очень много силы. На волосы и на полет. Так много, что я чуть не умерла. Но я раньше не знала, что секс пополняет силу. Меня ведь раньше никто не... Я стала догадываться, когда ты мыл меня сегодня утром... трудно поверить, что это было сегодня, да?... но не догадалась попросить тебя сделать это со мной. Я бы так и умерла, если бы ты сам не догадался. Когда ты меня... нет, ну нельзя же так стесняться!... когда ты делаешь это со мной — в меня входит столько силы... Я не знала, что так бывает. Ее так много, что хватает чуть-чуть и на тебя.

— И что, я теперь тоже могу делать всякие штучки?

— Ну... Например, мы идем по полю, и ты еще ни разу не наколол ногу. Идешь, как по ковру. Правильно?

— Да, — с удивлением признал Виктор.

— Или — мы с тобой сильно обожглись, когда падали. Сейчас и у меня, и у тебя все прошло...

Хочешь — попробуй выключить дождь. Попробуй, чтобы он на тебя не капал.

Виктор напрягся, пытаясь окутать себя воображаемым дождевиком — и через какое-то время обнаружил, что капли прекратились.

— Охренеть, — присвистнул он. — По ночному полю, в канун великой войны, по колено в грязи идет парочка голых магов, взявшись за руки...

— Во мне сейчас много силы, — сказала Лия. — Очень много. **ОЧЕНЬ** Мне даже кажется, что я смогу остановить эту войну. Ты будешь меня... будешь делать со мной Это, во мне будет все больше и больше силы... и в тебе тоже... и мы...

Она прижалась к нему, облепив грудями, и сочно поцеловала в губы. Виктор почувствовал, как его кол наливается сладким железом...

«Все-таки ты ошибся», — говорил он внутреннему самцу, лаская Лию. — «Ты говорил: в финале — или трах, или гроб. Сегодня мы умирали два раза, а трахаемся в третий. Правда, я не уверен, что это уже финал...»